

*Снаружи тобой сожжена,
Изнутри собой выжжена.
Я безмерно чужая жена
И забытая хижина.*

Оксана Ралкова

В тяжёлых сизых тучах, подмявших синеву июльского неба, вызрел дождь. Сорвавшись вниз, он накрыл тёмной плотной волной изнурённый от жары город. Он хлестал пожухлую листву, смывал зной и усталость, врвался в открытые окна, принося прохладу и свободу.

Впуская в дом свежий воздух, Лида раздвинула в стороны стеклянные створки на балконе. Вместе с ветром косые холодные струи хлынули внутрь. Девушка встала на цыпочки и подставила лицо дождю. С высоты девятнадцатого этажа был виден весь микрорайон с одинаковыми оранжевыми многоэтажками и пустынными, ещё не достроенными зданиями. Лида заправила за уши выбившиеся из длинной тёмной косы пряди и закрыла глаза, жадно дыша.

Постояв несколько секунд, она вернулась в дом и стала подбирать разбросанные в горячей ссоре вещи. Лёня, сгорбившись и опустив голову, сидел на полу у компьютерного стола под единственным в квартире-студии широким глухим окном. Услышав, как по рулонам обоев и картонным коробкам стучат капли дождя, он поднялся и вышел на балкон.

– Не закрывай! Дышать нечем! – крикнула вслед Лида и порывисто бросилась за ним.

– Лида... Хватит, – тихо ответил Лёня.

Он сдвинул балконные створки, занёс намоченные рулоны в комнату. Лида подняла с пола халат и села на диван. Обвела взглядом заштукатуренный потолок, ободранные стены, тесно составленную мебель. Остановилась на свадебном фото, стоявшем на стеллаже: каменный мостик,

они прижимаются друг к другу – красивые и счастливые.

– Я вчера в парк ходила. Уток кормить, – тихо произнесла она. – Стояла у пруда, и вдруг плеск. Обернулась – по центральной площадке высокий парень бежит с коляской, толкает её вперёд прямо в лужу – брызги во все стороны, а он оббегает ловит коляску за ручку, делает круг и снова с разбегу. А на лавочке девушка сидит и смотрит... Молоденькая, тоненькая, как кузнечик. Они такие светлые и хрупкие, сами ещё ребята, а уже родители. Представляешь, Лёня? А потом, – Лида задумчиво улыбнулась, – потом смотрю, мальчишка, лет пять, может, увидел, как тот с коляской лужу рассекает, и ну за ним на велосипеде!

Лёня молча сел за компьютерный стол спиной к Лиде. Глубоко вздохнув, он откинул голову и прикрыл глаза.

– Лёня? Я так устала... – Лида закрыла лицо руками.

Лёня испуганно подскочил к ней, сжал в объятиях.

– Лида, Лидочка... Прости меня! – горячо зашептал он. – Слышишь? Давай обратимся в хорошую клинику? Ну, хочешь, вместе обследуемся? Хочешь? Лида? Может, просто не время пока? Помнишь, ты мечтала о своей квартире? Как после свадьбы планировали? Полтора года ждали! Я уж думал, всё с этим кризисом. Дождались же!

– Я здесь задыхаюсь!

– Сейчас я ванну доделаю, купим кондиционер... Угу? Если хочешь, можем вернуться к родителям, поживём у них, пока закончим ремонт, они всё равно в деревне до октября.

Лида встала на коленки, отстранилась от мужа, посмотрела на него с удивлением, словно в первый раз видела.

– Можем сегодня шторы посмотреть на сайте, – улыбнулся он. – Время ещё есть...

– Лёня, давай уедем? – перебила его Лида. – К океану! Лёнь! – она крепко обняла его, больно жала плечо. – Пожалуйста! Ну хоть куда-нибудь...

– Поедем! Ремонт только закончим, за квартиру рассчитаемся. У меня одноклассница работает в турагентстве. Можем в Египет слетать, а если подкопим, то куда-нибудь в Европу. Там в любое время года хорошо. В феврале в Италии потрясающий Венецианский карнавал! Хочешь? – Лёня заглянул жене в глаза и улыбнулся.

– Посуду надо помыть, скоро к твоим ехать, – сухо сказала Лида и встала с дивана.

* * *

Небо над деревней после грозового дождя не спеша расчищалось, будто кто-то стягивал с него тяжёлое иссиня-чёрное покрывало, обнажая бледную голубизну с подрумяненными на закате, сваявшимися облаками. На пышноцветье полей и рощ опустилась мягкая прохлада, воздух налился, загустел от полноты, вобрав в себя вместе с влагой запахи густого разнотравья.

Во дворе Седовых в прозрачную тишину вливался щебет ласточки, свившей гнездо под навесом поленницы, глухими хлопками крупные капли обрушивались на землю с низких яблоневых ветвей, созревающих вишен. У приземистой баньки с сухим хрустом рубил дрова Николай Петрович, изредка останавливаясь и вытирая пот. Рубашка намочила и прилипла к поджаромутелу.

В беседке, увитой виноградной лозой, у стола суетилась Тамара Павловна. Она стелила поверх клеёнки зелёную в белый горошек льняную скатерть. Бережно расправив края ткани, она взяла со скамейки эмалированную чашку с ягодным рисунком и собралась в огород, но вдруг увидела за оградой на дороге вымазанный в грязь серебристый «хёндэ». Тамара Павловна остановилась, глядясь. Автомобиль осторожно съехал с дороги к их двору. Бросив чашку на стол, на ходу поправляя белую косынку, Тамара Павловна побежала к калитке.

– Мама, – Лёня вышел из машины, крепко обнял мать. – Ну приехали, приехали! – и засмеялся, приподняв её.

Лида с небольшой дорожной сумкой обошла машину и встала в сторонке, под свесившимися за ограду тяжёлыми ветвями яблони-ранетки.

– Исхудал, Лёнька! – глаза у Тамары Павловны увлажнились. – Заболел?

– Нормально всё! Отец где?

– А-а, – махнула она рукой. – С баней возится, – и добавила шёпотом: – Тебя ждёт.

– Пойду поздороваюсь, – Лёня поправил рюкзак и вошёл во двор.

– Здравствуйте, тётя Тома, – приветливо улыбнулась Лида.

– Здравствуй, Лида. Проходи. Как доехали? – Тамара Павловна легонько коснулась плеча невестки, пропуская её вперёд.

– Нормально. Только в большой пробке долго стояли – у вокзала потоп после ливня.

Тамара Павловна обеспокоенно покачала головой, семена за Лидой по тропинке между домом и огородом. Лёня уже стоял с отцом и хрустел сорванным по пути колючим огурчиком.

– Проходи, я вам в спальне всё приготовила, – Тамара Павловна, оставив невестку у веранды, зашпешила с чашкой в огород.

– Здравствуйте, дядя Коля, – крикнула свёкру Лида, открывая дверь.

– Здравствуй, дочка, – добродушно отозвался он.

Лида скинула на пороге бирюзовые кеды и застыла. Мелькнувшее в смежном огороде женское взволнованное лицо словно ожгло её взгляд. Грубо отбросив навешенный на входе тюль, она вошла в дом.

В сумерках Николай Петрович включил свет во дворе, повесил в беседке жёлтую лампочку. Тамара Павловна расставила на столе широкие блюда с овощами, молодым горячим картофелем в укропе и жаренной на решётке курицей.

Первым из бани выскочил распаренный и разгорячённый Лёня. Накинув полотенце на плечи, он с аппетитом набросился на еду. Следом медленно вышла обессиленная Лида во фланелевой широкой рубашке, найденной в старых вещах Лёни. Прибирая волосы в свободную косу, Лида осторожно ступала по влажной траве и слушала мелодичный непрерывный треск сверчка. Остановившись возле кустика красной смородины, она сорвала несколько тонких гроздей.

Присев рядом с мужем, Лида внимательно на него поглядела. В ней всколыхнулось что-то тёплое, мягкое, что давно впиталось в её кровь, разрослось в ней и окрепло корнями. Лёня вопросительно посмотрел на жену.

– Ты знаешь, у тебя медвежьи глаза. Добрые, – произнесла далёким голосом Лида. – Я тебе это когда-нибудь говорила? – она ласково убрала с его лба курчавую влажную прядь и коснулась пальцем прямых бровей мужа.

– Очень давно, – улыбнулся он.

– У тебя глаза, будто солнышко в солнышке... Да. Говорила. Когда мы мирились. После той ссоры, перед свадьбой.

– Знаете что, Лидия Семёновна, – нарочито радостно обратился Лёня, – так можно всё вкусное пропустить! В большой семье клювом не щёлкают.

– Наташа здесь?

– Не знаю. Может, приехала к родителям. Лида? Я обещал тебе не общаться с ней – я не общаюсь. Ты же знаешь, – он мягко поцеловал жену в висок.

– Попарились? – из дома вышла Тамара Павловна с порезанным на крупные ломти ржаным хлебом.

– Щедро натоплено! Я так по баньке скучал!

– Молодцы, что приехали!

– Отец куда подевался?

– К сестре твоей побежал управляться, они с Серёгой на свадьбу уехали и Ваньку с собой взяли.

– Пойду помогу ему! – вскочил Лёня.

– Сиди! – всполошилась Тамара Павловна. – Лёнька! Куда!

Но сын уже скрылся в тени дома.

– Мы уж думали, не приедете летом к нам, – тяжело вздохнула Тамара Павловна и опустила на лавочку. – Отец один собрался крышу делать, хорошо хоть Серёжка рядом, пособит...

– Сейчас у Лёни работы много, по выходным всё ремонтом занимается, – виновато пробормотала Лида. – Когда вы в городе, мы часто у вас бываем, летом сложнее вырваться... – и добавила примиряющее: – Я к вам на квартиру заезжала, цветы все полила...

– Ох, Лидочка, как же вы ребёнка-то растить будете в комнатухе этой, – сочувственно покачала головой Тамара Павловна. – Ума не приложу... Но, знай, вы всегда можете вернуться к нам, а студию сдать! – воодушевилась свекровь. – Квартира у нас большая, слава Богу, не в тесноте жили. Летом вообще нас не бывает, всё тут... Ты только с ребёнком не затягивай. Я Машку в двадцать два рожала – легко, а с Лёнькой намучилась! Не зря говорят, поздно рожать – тяжело. Мы с Николаем Петровичем уже старые, хочется с внуком повозиться. Лёньке нынче уж тридцать три будет, пора бы.

Лида тяжело молчала в ответ, медленно перебирая в пальцах налитые кисти красной смородины.

* * *

В комнате было тихо, только через открытую форточку вместе с лёгким ветром проникали звуки просыпающейся деревни. Где-то у соседей прокричал петух, басовито залаяла собака. Приподнявшись на локте, Лёня поглядел на жену. Лида сидела у окна на стуле, поджав ноги. При утреннем свете она показалось ему очень красивой в прозрачно-голубой хлопковой сорочке и с распущенными волнистыми волосами. Задумчиво спокойная и тихая. Даже острые черты лица словно смягчились.

– Доброе утро, – прошептал Лёня.

Лида вздрогнула, заправила за уши прядь, открыв бархатную щёку с родинкой:

– Мне снился океан. Ничего вокруг, только простор. И такая тишина над ним! Пустая, мёртвая, будто это декорации. А потом он стал темнеть, ожил, задышал! И небо почернело. Угольная мгла... И молния – острая, тонкая. Потом обрушился ливень. И океан вздыбился, ничего не стало, кроме чёрного океана вокруг. И я чувствовала всю эту мощь, эту волну! Понимаешь? Ощущала

внутри! Словно она в груди у меня, в солнечном сплетении! И всё это неслось вперёд, ничего уже не могло остановиться...

Лида заворожённо замолчала. Лёня подошёл к ней, сел на корточки напротив, провёл рукой по её волосам.

– Бывают такие странные сны: красивые и страшные, – заметил он.

Вдверь постучали.

– Проснулись? Доброе утро! – раздался заботливый голос Тамары Павловны. – На улице стол накрыла, вставайте.

– Хорошо, спасибо, мам, – отозвался Лёня.

Когда молодые вышли во двор, в беседке уже завтракал Николай Петрович.

– Садитесь, садитесь, – суетилась Тамара Павловна, разливая чай со смородиной и мятой.

– Дядя Коля, как Ваша «ока»? – усаживаясь напротив мужа, поинтересовалась Лида.

– Ничего, ездит.

– Мы тут за грибами в лес собрались, так на перекрёстке у магазина встали, – перебила супруга. – Под капотом что-то загорелось!

Николай Петрович, не взглянув на жену, спокойно обратился к сыну:

– Вы с Серёгой шифер начинайте снимать, два бруса я приготовил, по ним спускайте. Я в город, у Саньки перфоратор заберу.

– А можно я с вами? – вдруг оживилась Лида. Вчера тётя Марина звонила, Светка прилетает! Моя двоюродная сестра из Америки.

– Осталась бы, маме помогла, – удивился Лёня. – Завтра уже домой...

– Да пусть едет, тут делать нечего, – присела рядом с сыном Тамара Павловна.

– Я вечером помогу, если надо. Света ненадолго, потом неизвестно, когда увидимся.

– Поедем, коли надо, – согласился свёкор. – Обратно как?

– На автобусе, – ответила Лида, и лицо её озарила внезапная мысль: – Если бы я умела водить! Лёнь? Вот если бы ты меня научил? Сам? А?! Сегодня вечером попробовали бы на поле у озера?

– Лидочка, у тебя же машины нет, – мягко вставила Тамара Павловна. – Лёнька на своей работает.

– Не знаю, когда мы закончим, – пожал плечами Лёня. – Пока погода хорошая, надо крышу делать. Хотя бы вторую обрешётку успеть сегодня. Я в офис завтра, отец с Серёгой одни останутся.

– Лида, у тебя как с работой, решилось? – поинтересовалась Тамара Павловна, подливая невестке чай.

– Нет, – сдавленно произнесла Лида.

– Моей подруге консультант в косметический магазин нужен. Могу спросить.

– Да... Спасибо.

– Захочешь учиться, иди в автошколу, – вдруг вмешался в беседу Николай Петрович и подмиг-

нул невестке. – Там тебя правильно научат. Переучиваться после Лёньки тяжело, как привыкнешь, потом ломать себя придёт.

Лида грустно поглядела ему в глаза, и слабая улыбка шевельнула её губы.

* * *

С озера дул прохладный ветер, принося с собой влажный травяной воздух. Мимо остановки пастух гнал сытых, тяжело переступающих коров. Ласточка-касатка, низко пролетев над землёй, прошмыгнула под впереди идущей чернушкой.

Лида вышла из автобуса и в радостной спешке побежала по пыльной дороге. Из болотной низины вылетела рыжая кургузая овчарка, похожая на лисёнка, и, звонко лая, бросилась к незнакомке. Лида оторопела от неожиданности, но скоро, когда пастух отозвал собаку, уже мчалась к разномастным домам, поправляя непривычно лёгкие, обрезанные по плечи волосы.

Во дворе Лида обошла стопки снятого шифера, посмотрела на оголённую брошенную крышу и позвала:

– Лёнь?

Ей никто не ответил. Дома мужа тоже не оказалось. Зато свекровь как всегда хлопотала на кухне.

– Тётя Тома, а где Лёнька?

– К Машке пошли, у нас Ванька чуть с крыши не убился! – Тамара Павловна переливала молоко из бидончика в банку. – Сейчас Машка всем выплет, Серёжке особенно – недоглядел за сыном.

– Маша молоко принесла?

– Утреннее. Они с Натусей приходили, пособили немножко с крышей, а то мужики наши всё...

– Малину Наташа принесла? – Лида посмотрела на белое ведёрко с крупной зрелой ягодой.

– Собрала нам маленько. Лёнька-то любит малину с молоком. – Тамара Павловна, взглянув на невестку, опешила. – Лида...

Но та уже выскочила во двор и побежала к золовке. Маша с мужем и тринадцатилетним сыном жила через дорогу в чистом уютном домике с резными белыми наличниками и долговязыми мальвами вдоль всей ограды.

Лида остановилась возле забора, посмотрела на распахнутые створки окон. На подоконнике стояли горшочки с каланхоэ, такие Маша дарила и Лиде на новоселье, но они давно уже зачахли. Девушка прислушалась – за надутым узорчатым парусом тюля слышались мягкие голоса.

Отворяя калитку, Лида хлётко ударила высокий стебель мальвы с нежно-розовыми цветами, громко хлопнула деревянной дверцей. Лёня сверанды поспешил навстречу.

– Лида... – растерялся он, глядя на короткие волосы жены. – Что ты сделала?

– Ничего, – она шагнула к крыльцу, но муж преградил ей дорогу.

– Я хочу поздороваться с Машей, – с вызовом сказала Лида.

– Не надо, они позже к нам придут. Маша сейчас с Серёгой ругается, Ванька ногу сломал. Идём, – Лёня взял за руку Лиду и повёл к калитке. – Спать хочу, устал ужасно! Зачем ты подстриглась?

– Захотела.

– Что опять случилось?

– Ничего, – усмехнулась Лида.

– Пойдём, прогуляемся, – со сдержанной злостью сказал Лёня, опустив руку жены, и, не дожидаясь ответа, направился в сторону озера.

Лида пошла за ним быстрым нервным шагом, впиваясь взглядом в его курчавый затылок. В конце улицы на выезде Лёня свернул к полевой дороге. Он яростно ступал вперёд, чувствуя тяжёлую усталость и жар в теле: руки и спина болезненно горели.

Сокращая дорогу, Лёня бросился в густое половодье трав. Свежий ветер мягко шуршал колосками, из цветущего душистого высокотравья кремово-белой таволги, жёлтого донника, лилово-розового иван-чая доносился вечерний стрекот. Лида, отмахиваясь от комаров, окликнула мужа. Но он не обернулся. Лёня шёл напролом, разводя руками высокие заросли. Лида бежала за ним, разросшийся чертополох цеплялся за платье, старая крапива обжигала голые ноги.

Наконец проторенная Лёней тропа вывела их к прибрежным ивам, затопленным летним паводком. Лёня, глубоко дыша, остановился у перевернутой дырявой лодки, брошенной на берегу покрытого мелкой зыбью озера. Вдалеке одинокий рыбак на моторке удил рыбу. На горизонте в ранних сумерках рассыпались подсвеченные светло-коралловые и серые полосы облаков, выше на небосводе они сливались в чернильные кляксы.

Услышав сбивчивое дыхание жены, Лёня обернулся к ней и сорвался на крик:

– Что происходит? Лида, скажи мне, что вообще происходит?!

В камышах громко заголосили лягушки, где-то за ивой тревожно просвистела птица.

– Я устал – ты это понимаешь? Я делаю всё для тебя! Всё! Но ты – то кричишь, то молчишь, то ходишь как в воду опущенная. Я ничего не понимаю! Стараюсь понять тебя, слушаю, но мне тяжело...

– Со мной? – тихо закончила за него Лида.

– Вот скажи мне, почему ты сегодня уехала? – Лёня внимательно посмотрел на жену. – Не побыла с семьёй? Мы все вместе занимаемся делом, вместе отдыхаем. Тебе и здесь не нравится?

– Вы привыкли всё время быть вместе, вы одна семья...

– А ты не часть этой семьи?

– Я здесь как будто чужая. И комната эта... Не твоя и моя. А комната, в которой вы спали с Наташей.

– Опять двадцать пять!

– Я не ревную, Лёнь, я правда здесь чужая...

– И что ты предлагаешь? Не ездить мне к родителям? Не помогать им? С сестрой не видаться?

– Лёнь, я люблю тебя! – беспомощно заплакала Лида.

Лёня схватился за голову.

– Я не знаю, что со мной, – Лида дрожащими руками вытерла слёзы. – Света приглашает нас к себе в Провинстаун...

– Нет, Лида, – жёстко ответил Лёня. – 17-го я выхожу в отпуск – клею обои, Серёге на покосе помогаю, делаю с отцом крышу: мы сегодня ничего не успели, стропила прогнили, всё менять надо. Нужно материалы закупить, если тебя это вообще интересует.

* * *

Слепое солнце жгло нещадно. Казалось, оно не оставит город и будет безжалостно томить до утра. Найдя свободное место на парковке соседнего двора, Лёня оставил машину и устало побрёл по горячему тротуару домой. Мысли рассыпались: в свой первый день отпуска он до предела вымотался на работе, голова раскалывалась от городской тяжёлой жары и от нервной суеты.

Накануне ему позвонил приболевший коллега, попросил заменить. Жизнь выездного системного администратора научила Лёню терпению. Но столько «неадекватов» он давно не встречал. Видимо, жара подавляюще действовала на всех.

Сегодня ему достались и скандальные барышни, которые попросту забыли воткнуть в розетку шнур от принтера, и пенсионерки, не понимающие, почему мастер не может заодно починить телевизор, и профессора филологических наук, заставляющие комментировать каждый щелчок мыши.

Тяжелее всего Лёне пришлось на последней заявке – в женском магазине. Может, оттого, что под конец рабочего дня он невыносимо устал от поучений, недовольства и угроз пожаловаться в офис.

В комнатушках со спёртым воздухом его встретили пропылённые древние компьютеры. Пока Лёня пытался переустановить винду на одном, его просили посмотреть вирусы на другом, параллельно глянуть ноутбук. Ко всему прочему на него сыпались вопросы о личной жизни, шутки о его худобе: «видно, жена молодая, неопытная».

С Лидой они почти неделю нормально не разговаривали: он был занят работой и ремонтом, она каждый день возвращалась поздно и сразу ложилась спать. По ночам отворачивалась и плакала или ластилась к нему, жадно прося ответной ласки. Но поутрам неизменно молчала.

Когда он вошёл в квартиру, его опять встретила душная тишина. Бросив портфель на диван, Лёня расстегнул верхние пуговицы рубашки, закатал рукава и открыл окно на балконе. Только дома он почувствовал, что желудок сводит от голода.

Не переодеваясь, Лёня прошёл к плите, открыл эмалированную коричневую кастрюлю: борщ на

жаре скис и вспенился. Лёня со злостью швырнул крышку на плиту, достал телефон из кармана. Но только он хотел набрать номер, как в коридоре щёлкнул замок.

– Лёнька, привет! – раздался непривычно весёлый голос жены. – Ты не поверишь, что я сегодня сделала! – Лида бросила босоножки в сторону и прошла в комнату.

Глаза у неё восторженно сияли.

– Проквасила борщ?

– Что?

– Ты где была?

– В бассейне... – растерялась Лида. – С тренером занималась...

– Прекрасно. Суп киснет, ремонт стоит – Лида развлекается.

– Я не развлекалась.

– Лида, почему ты не убрала суп в холодильник?

– Забыла.

– Будь у нас ребёнок, ты бы и о нём забыла?

Лида открыла рот, но смогла только беспомощно выдохнуть.

– О чём вообще ты думаешь? – взорвался Лёня. – Как можно забыть? Ты же хозяйка, женщина. Ты целыми сутками дома.

– А почему я дома?! – нашлась Лида. – Я из-за тебя уволилась! Ты злился, что мне ставят ночные смены! Сказал, надо домом заниматься.

– Ты жаловалась, что тебя всё бесит: что ты не администратором работаешь, а горничной в этой гостинице. Жаловалась, что теряешь навыки, забываешь язык, что вместо иностранцев – хамы и истерички, – Лёня вышел из себя. – «Я не могу понять, куда идти!», «Я не чувствую, что это моё!», «Я не могу найти себя!» – передразнил он жену.

– Ты! Ты ничего не понимаешь!

– Конечно! Всегда одно и то же – «не понимаешь»! Ты воды боишься, какой бассейн? Лида! Ты о чём вообще?!

– Я была спортсменкой!

– Ты была ребёнком, Лида. Это было тринадцать лет назад!

– Да, после маминой смерти я стала бояться воды! И я...

– Причём тут твоя мать? Она умерла от рака! Ты сама говорила, что была чужой в семье, что вам было сложно общаться. Что за сантименты?

– Мне просто нужен выход! – отчаянно крикнула Лида.

– Выход там, – надломлено произнёс Лёня и указал рукой на дверь.

На мгновение в квартире повисла страшная тишина, словно взорвалась бомба, словно время остановилось в общей глухоте, и только невидимый пепел медленно опускался на оставшиеся после взрыва развалины.

Лёня испугался своих слов, дикими и чужими показались они ему в этой плотной тишине, в его

доме. Он смотрел на жену и не мог опустить руку. На Лидином лице промелькнули удивление и ужас. Вместе с тем она будто обрадовалась – схватила сумку и выбежала в коридор.

– Лида?

С треском хлопнула дверь. Лёня бросился за женой. Но в коридоре вдруг остановился, присел на тумбу. Ему нужно было догнать Лиду, остановить, вернуть домой, попросить прощения...

Лёня медленно подошёл к двери и притянул её. Щёлкнул замок.

* * *

На следующий день после ссоры Лёня уехал к родителям. Вечером, не дозвонившись до жены, набрал номер Марины Евгеньевны. Узнал, что Лида в порядке. Больше он ей не звонил.

Лёня прожил у родителей в деревне полмесяца, с утра до ночи занимаясь крышей и сайдингом, копаясь в гараже, изматывая себя на покосе. Обеспокоенная Тамара Павловна пробовала поговорить с сыном, но он обрывал все попытки. Отец лишь раз, неловко откашливаясь, намекнул о помощи, но Лёня коротко ответил, что разберётся. Тогда Тамара Павловна заслала чуткую Наталью, к которой Лёня раньше всегда прислушивался.

Наталья, выждав, пока в сумерках все уйдут с поля, подошла к стожару, на который Лёня метал сено. Она мягко позвала его. Но он, остановившись, стёр со лба пот и сказал чужим голосом: «Нет, Наташа». Девушка понимающе кивнула и ушла.

Днём Лёню отвлекала работа, а ночами он много думал, тяжело засыпал, часто под утро.

Когда Лида первый раз позвонила ему, Лёня уже погружался в рыхлое забытье. Услышав в телефонной трубке стук колёс, он мгновенно очнулся и хриплым голосом спросил:

– Ты где?

– На мосту, – слабо ответил жена.

Лёня посмотрел на часы: тринадцать минут пятого.

– Уезжаешь?

– Нет. Гуляю.

– Одна? – Лёня соскочил с постели.

– Да.

– Я приеду минут через сорок...

– Не надо.

– Возвращайся домой. Иди на вокзал, вызови такси. Не ходи одна, пожалуйста.

– Мы можем встретиться?

– Я завтра домой приеду, мне на работу в понедельник.

– В парке. У мостика, у пруда, там лавочка есть.

– Почему не дома? – примиряюще спросил Лёня, но после паузы добавил: – Там занято всегда, давай на красной лавочке недалеко от фонтана, как к детской площадке идти?

– Хорошо. В двенадцать.

После этого звонка он уже не мог уснуть. Собравшись на расцвете, вернулся в серый от моросящего дождя город. Лёня заехал домой. Дом был пуст и тих. Лида забрала свои вещи. Просидев несколько часов за компьютером на сайте с кондиционерами, машинально прокручивая курсором страницы, Лёня так ничего и не выбрал. Принял душ, выпил чашку кофе и поехал к жене.

В парке, сидя на лавочке, он смотрел на муравья, тащившего соломинку – эта ноша в два раза больше букашки была по силам ему.

Лёня взглянул на часы – Лида опаздывала, он набрал её номер.

– Я на месте, – сказала она.

– Где?

– На лавочке в стороне контактного зоопарка, недалеко от входа.

– Я уже минут пятнадцать жду тебя на красной лавке, где аттракционы.

Через несколько минут подошла Лида. Лёня удивлённо посмотрел на жену мутными уставшими глазами: волосы и тонкое сине-зелёное платье у неё были влажными.

– В Ильин день всегда дождь? – слабо улыбнулась Лида.

– Илья чертей гоняет. В этот день на покос не ездят.

– И ящерка-медянка кусает только в этот день, – Лида села на лавку и сжала в руках подол платья. Золотое обручальное кольцо блеснуло на её пальце.

Она почти не спала. С другого конца города добралась до парка пешком и попала под дождь. Лида не могла все эти длинные и бесконечные дни сидеть дома у тёти Марины, не могла слушать мудрые советы о семейной жизни. Поэтому много ходила, бесцельно и долго, до изнеможения, до боли в ногах. Иногда Лида словно просыпалась и с удивлением оглядывалась, не сразу понимая, где она. Если бы её спросили, о чём она думала во время своих прогулок, ответить бы Лида не смогла.

– Я перепутала.

– Ничего. Мы всегда говорили на разных языках, – Лёня говорил таким спокойным, холодным голосом, что Лиде стало страшно.

– Прости, пожалуйста!

– Ничего, бывает.

Рядом с Лениными кедами приземлился бумажный самолётик.

– Лазбился! – раздался детский возглас.

Лопухий рыжий мальчонка подбежал к лавочке и поднял самолётик.

– Новый сделаем, – ответил ему величаво-спокойный голос.

Высокий мужчина с кучерявой медной бородой взял за руку сына и повёл к аттракционам.

– Ты забрала вещи?

– В пятницу улетаю. Света пригласила погостить, я позавчера получила визу.

Лёня скривил губы и кивнул.

– Когда вернёшься?

– Пока не знаю, – Лида утёрла слёзы.

– Я пятнадцатого поеду в деревню, у нас вечер выпускников.

– Наташа сказала?

– Угу.

Помолчали, глядя в разные стороны на шуршащий воскресный, но уже по-осеннему спокойный и мягкий парк.

– Она смогла бы родить тебе ребёнка, – вымученно начала Лида. – Она всё ещё любит тебя, я знаю.

– Удачного полёта. – Лёня медленно поднялся.

Лида подскочила, зачем-то схватила его руку, больно сжала.

– Ты хочешь мне руку сломать? – он мягко высвободился, поцеловал её в макушку.

Лида оцепенела. Она смотрела, как отдаляется и тонет в пёстрой толпе её любимый человек, но ничего не могла сделать.

* * *

Августовское утро на восточном побережье Массачусетса выдалось пасмурно-тягучим, медлительным, словно оно, закрывшись в себе, копило холодные мысли. Небо обещало дождь, но не могло родить его, пустышкой темнело над распластавшимся беспокойным океаном и суетливым туристическим городком.

Кутаясь в Лёнину тёмно-синюю тёплую рубашку, ту самую, что нашла ещё в деревне в России, Лида стояла на открытой террасе дома Коулманов. Прижавшись к столбику, слушала, как шуршит ракушками и звенит колокольчиками музыка ветра над дверью. Смотрела, как на клумбе мягко колышутся высокие жёлтые цветы с чёрными головками. Света называла их «золотой шторм».

Лида уже неделю гостила у сестры. Света с мужем приняли её с большим радушием, но и в их светлом просторном доме Лиде было неуютно и одиноко. Аллен каждый день показывал туристам китов на своей маленькой яхте, Света работала в сувенирной лавке на Кэмэшл-стрит, пёстрой шумной и многолюдной улице.

Чтобы Лида не скучала, по приезде её познакомили с племянником Аллена, Дином. Он был всего на три года младше её, поэтому с особым увлечением взял на себя роль гида. Сначала они плохо понимали друг друга, но с помощью жестов молодые люди быстро освоились. Лида постепенно вспоминала английский, и скоро им стало легко и весело друг с другом.

Дин оказался общительным и открытым, он часто шутил, подсмеивался над Лидой: «Русская шпионка». И водил её по узеньким улочкам Провинстауна, показывая местные достопримечательности.

Первым местом, куда он привёл Лиду, был Пилигримский монумент. Они поднялись

на самый верх башни. На высоте семидесяти семи метров у Лиды захватило дыхание от бесконечного сияющего простора. Яхты и рыболовецкие суда у пристани казались игрушечными чайками на гигантском голубом стекле, а домики – серыми камешками в пышном мху зелени – они могли поместиться в её ладонях.

Здесь Лида почувствовала, сколько в ней силы, энергии, словно в ней одной помещалась целая вселенная. Опьянев от восторга, она много смеялась. Дин надувался от важности и заверял, что это ещё не всё, что самое интересное впереди – велопрогулка в парк Кейп-Код с пикником и закатом.

Но всего через несколько дней после будоражащих открытий ликование схлынуло волной и растворилось в тяжёлой удушающей тревоге: Лида потеряла цепочку с обручальным кольцом. К вечеру Аллен нашёл цепочку на дне бассейна. Лида надела кольцо, но тёмная и опустошающая тревога осталась в ней.

Дин позвал девочку-шпионку развеяться на мексиканской вечеринке приятеля. Лида, улыбнувшись через силу, отказалась, но назавтра пообещала составить ему компанию на пляже.

И сейчас Лида думала обо всём, что с ней произошло. В глубине дома раздался телефонный звонок, Лида рванулась к телефону – и услышала глухой треск рвущейся ткани.

Звонила Света.

– Не скучаешь? Я буду поздно. Дин заедет за тобой в восемь.

– Может, обед приготовить? – спросила Лида, с сожалением разглядывая дырку на рубашке.

– Забей, отдыхай! Поужинаем сегодня в ресторане. Разобралась стиркой?

– Да, вещи в сушилке.

Лида положила трубку и услышала, как пиликнул несколько раз мобильный в кармане джинсов. Она достала его и увидела уведомление социальной сети, среди которых было сообщение от Лёни: «Лида, я подаю документы на развод. Когда приедешь, обсудим».

Она прочла это сообщение со странным спокойствием. Поднялась к себе в комнату, положила на кровать телефон и рубашку. Спустилась в домашнюю прачечную, вынула из сушильной машины свои вещи.

Возвращаясь с корзиной в комнату, почувствовала, как что-то чёрное сгущается внутри, давит в солнечном сплетении. Лида глубоко вдохнула – но это не помогло. Складывая ровной стопкой одежду, она вдруг остановилась и заплакала...

Лида бросилась искать нитки с иглками. Перерыла полдома, прежде чем позвонить Свете и найти их на самом видном месте – шкапулка стояла на журнальном столике в гостиной. Пока зашивала дрожащими руками дырку, исколола все пальцы.

Надев рубашку, Лида выгребла охапку вещей из шкафа, бросила на постель и стала набивать ими чемодан. Комкая вещи, она рассмеялась над своим страхом, глухо, надломленно. Всё ей стало ясно. Словно она попала под холодный ливень и очнулась.

Не в силах дожидаться Свету дома, Лида оставила чемодан и бросилась вниз. На перекрёстке она вылетела на дорогу и через мгновение услышала визг тормозов. Водитель «хонды», афроамериканец с испуганными выпуклыми глазами, бросился ей на помощь, поминутно извиняясь и спрашивая, в порядке ли она. Он хотел отвезти её в больницу, но Лида сказала, что всё в порядке.

– Я лечу домой, – твёрдо сказала Лида Свете.

– Стеречь борщ? – съязвила сестра и тут же спохватилась: – Оставайся у нас! Аллен поможет документами и работой. Что тебе там делать?

– Я всё изменю.

– Вечером купим билет, – сдалась Света.

Вечером, сидя на мягком светлом песке, Дин смотрел на волнующийся океан. Вздывая тугие полупрозрачные голубые волны, океан выталкивал их на берег, окрашивая в золотисто-рассыпчатый цвет. Небо на закате стало медово-оранжевым, мягким.

Лида кружилась у самой кромки воды, взрывая ногой песок и разбрызгивая пенящуюся воду. Она не могла усидеть на месте. Дин уже знал, что Лида собирается в Россию. Он пытался шутить, но у него плохо выходило. Лида не слушала его.

– Ты ещё не все секреты Провинстауна узнала, девочка-шпионка, – сказал он, когда Лида подбежала к нему.

Над океаном беспокойно металась чайка.

– Не парься. Зачем тебе всё это? Ты же волна, – не сдавался Дин. – Мощная и неукротимая, – с напуском весельем он плавно показал рукой волну.

Лида соскочила с места, скинула рубашку и побежала к воде.

– Дин! Бежим купаться! – смеясь, крикнула она по-русски. – Мы будем счастливы!

* * *

В России с вечера всю ночь, словно запертый, непрерывно грохотал ливень: тонкие молнии разрезали небосвод, беспомощно хрустели деревья, сыпались листья и ветки. Истерзавшись, он вырвался на волю и к утру стих, оставив после себя покой и тишину.

Ближе к полудню, когда солнце стало пить дождевую воду, Тамара Павловна, кутаясь в длинный шерстяной кардиган, вышла из дома. Она смахнула оборванные листья, вытерла стол в беседке, постелила клеёнку и зелёную в горошек скатерть.

В густой тени зарослей расцветало переливчатое многоголосье, в котором будто бы перекрики-

вались две птицы. У соседей важно кудахтали куры. Скоро за столом собралась вся семья. Разрезали хрустящий сахарный арбуз.

Глухо стукнув сырой деревянной калиткой, во двор осторожно вошла Наташа. Ржаного цвета волосы были убраны в косу и закручены крендельком на голове. Простое, чуть грубоватое её лицо стало красивым от доброй и открытой улыбки:

– Доброе утро! Я не знала, что ты здесь, – обратилась она к Лёне. – Хотела через родителей передать, что встречу в школе перенесли на четверчаса.

– Вчера после работы приехал, – приветливо улыбнулся Лёня.

Под глазами у него были мешки, какие бывают от недосыпа по утрам. Но выглядел Лёня хорошо. Наташе только было жаль его остриженных кудрей. Заметив её взгляд, он засмеялся и сказал:

– Практикантка обкорнала.

– Присаживайся, Натуся, не стой, – захопота-ла Тамара Павловна.

Девушка вопросительно поглядела на Лёню, он, искренне улыбаясь, одобрительно кивнул. Николай Петрович отложил газету и закурил.

– Угощайся, дочка, – Тамара Павловна придвинула чашку с нарезанным арбузом поближе к Наташе. – Решилось у тебя?

– Угу, переезжаю к маме, буду работать в нашей школе.

– И правильно. Умница! – похвалила Тамара Павловна, раскладывая горячие вареники с вишней. – Лёнь, принеси Наташе тарелку.

– Что вы, не надо, спасибо. Неудобно, я пойду...

– Остайся с нами, – попросил Лёня, вставая из-за стола.

Наташа взволнованно улыбнулась.

– А Лида не приехала? – тихо спросила она, когда Лёня скрылся за дверью.

Тамара Павловна покосилась на веранду и покачала головой.

– Сегодня останешься? – спросила она сына, когда он вернулся из дома.

– Да, ремонт закончил. Больше там делать нечего.

– Ну, слава Богу!

– Ох, и гроза металась нынче, – произнесла в каком-то суеверном страхе Наталья. – Будто живая.

– Да виноград побило сильно...

Разговор прервал звонок мобильного. Лёня взял телефон и, посмотрев на дисплей, отошёл к калитке. Наташа и Тамара Павловна обеспокоенно переглянулись. Николай Петрович, искоса поглядев на них, неодобрительно нахмурился.

Лёня вернулся быстро. Он отрешённо поглядел на отца и сказал сдавленным удивлённым голосом:

– Лида утонула.